

СИМВОЛИЗМ Александра Федотова

Символизм неизбежно зиждется на реализме.

М. А. Волошин

Поэзия живописи

ХУДОЖНИК Александр Федотов работает в области пейзажа, соединив традиции русской пейзажной школы, «сурового стиля» и приёмы абстрактного искусства. Один из тончайших живописцев современности, он сплавил эпическую цельность монументального стиля с одухотворённым лиризмом. Предельная точность и обобщённость архетипических черт пейзажа России делает картины Федотова символической формулой её облика и духа, квинтэссенцией её лирического воплощения. Нерасторжимость живописи и поэзии, щемящая проникновенность, очищенная, бесстрастная нежность к предмету изображения, к ускользающей красоте российской Атлантиды – вот черты его большого искусства.

Александр Федотов стоит особняком на пёстром торжище художественной жизни Татарстана. Федотов продолжает направление русского реалистического пейзажа, переплавив его в символический контекст, выявляющий сверхсущностные черты в природе. Его картины несут неповторимый почерк и духовное наполнение, позволяющие обобщить камерное до вселенского, общечеловеческого. Александр Федотов говорит о жизни и мироздании посредством пейзажного жанра, однако каждое его полотно является чем-то большим, чем просто пейзаж, – это квинтэссенция образа Родины – простой, погружённой в себя, очищенной перед лицом вечности. «Тихая моя родина» – так выразил Николай Рубцов это состояние. Федотов говорит о своих чувствах, избегая как сентиментальности, так и иллюстративности, тенденциозной фальши. Предельно чужда этому мастеру

как сниженное толкование реальности (заикленность на чернухе не смогли избежать многие художники его поколения), так и мечтательная условность воображаемой сусальной России.

Реализм Федотова – реализм высшего порядка. Максимилиан Волошин определил его как «изучение внешних свойств и качеств вещей» и через это «познание законов, образующих вещи». Простота образов Федотова – простота самой сути предмета, простота достоверности, растворённая печалью. За видимым обликом родного среднерусского мотива проступает суть уединённой, сосредоточенной, одухотворённой и осмысленной жизни. Как в иконописи, объектом Федотова является цельность просветлённого духа. Вселенная Федотова – не объект, а субъект – мысли, чувства, переживания. Можно говорить о **метафизическом символизме** Александра Федотова, как о состоявшейся странице в отечественном искусстве.

Решаемая Федотовым сверхзадача делает каждое его полотно аккумулятором острой любви к родной земле, как к необъятной метафизической сущности. У Федотова совершенно особый уровень передачи ощущений: от его медленно падающего невесомыми кусками снега ватно звенит в ушах (картина «Снег идёт», 2001, х. м.), а пронзительная зелень травы («Солнечный день», 1996, х. м.) переносит к состоянию младенческой остроты ощущений на сверхчувственном, иррациональном уровне. Марсель Пруст, исследуя феномен времени и проблему восприятия реальности, подметил, что незначительная подробность, малая деталь может явиться катализатором ощущений, устраняя границы между сиюминутной реальностью и прошедшим. Подробность у Федотова становится ключом, отворяющим дверь в инобытие – в этом особый феномен Федотова-сверхреалиста. Здесь он пересекается с Рене Магриттом, называвшим свои опыты «магическим реализмом» или «новой вещественностью».

Художник Александр Сергеевич Федотов родился (1955) в городе Выру, в семье военного. Окончил Рязанское художественное училище и Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова. С 1983 года работает в Казани, из них первые три года – в творческих мастерских Академии художеств СССР под руководством Х. А. Якупова.

На счету художника – несколько персональных выставок, участие в знаковых выставочных проектах общесоюзного и регионального значения. Юбилейная персональная выставка Федотова, проходившая летом 2015 года в Национальной галерее «Хазинэ» («Сокровищница») Казанского Кремля, отразила творчество последних двух десятилетий. Произведения живописца находятся в собрании Музея изобразительных искусств Татарстана, частных собраниях России, Англии, Японии, Голландии, Германии... Александр Федотов – член Союза художников России, Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, Заслуженный художник Российской Федерации

Алхимия мастерства

Поверил я алгеброй гармонию.

А. С. Пушкин

186

Художник Федотов обладает ярко выраженным индивидуальным почерком, стилем и особым композиционным методом. Отличительной особенностью, доминантой языка Федотова являются композиционная выверенность, графичность силуэта, напряжённая колористика полотна. Аскетичный лаконизм, безошибочное чувство равновесия и ритмики масс, отточенная художественность в передаче эмоционального среза бытия выводят картины Александра Федотова в один ряд с работами Петрова-Водкина, Сарьяна, Кузнецова...

Помимо сверхцельных, почти знаковых композиций у Федотова есть и сложно-структурированные работы, похожие на ритмическое кружево, иероглифическую вязь штрихов и пятен, такие как «Берёзы» (2008, х. м.), «Весенний туман» (2005, х. м.), «Дом. Иней» (2005, х. м.), «Сад. Сумерки» (2015, х. м.). Но и тут гармоничное соотношение поля и графического наложения силуэтов парадоксальным образом несёт внутреннюю ясность и аскезу – узнаваемая особенность полотен Александра Федотова! – особенность, влекущая к медитативной созерцательности и очищению.

В контексте мирового искусства изобразительный язык Александра Федотова уместается в спектр приёмов от русской реалистической школы до Уистлеровских цветовых симфоний, от символизма Мориса Дени до асимметричного динамизма японской живописи; в его основе традиции тональной живописи и импрессионизма, переплавленные живописью советской России в новый конгломерат. Отдельные элементы художественного стиля Федотова входят в резонанс с приёмом полуабстрактной фрагментации цветового поля, к которому прибегали Густав Климт и художники

русского авангарда – тот же Казимир Малевич в картине «Скачет красная конница»; с абстрактным пейзажем Игоря Вулоха; с элементами футуристического динамизма Джино Северини и Умберто Боччони. Я ни в коей мере не провожу тут знака тождества, но лишь указываю на тот диалог, который неожиданно возникает между этими столь разными художниками и направлениями, живущими автономно – каждый на своей «полке» истории искусства.

Композициям Александра Федотова сродни монументальная цельность, графичность и цветовая напряжённость Архипа Куинджи и Николая Крымова, Николая Рёриха и Георгия Нисского, лучших представителей «сурового стиля». Близка ему плоскостная стилизация объёмов и цельность пространства в духе Игоря Обросова – и живописное богатство Виктора Иванова, который продолжил традиции чистой живописи Фалька и Кончаловского в суровом стиле. Близок по духу и Виктор Попков с его северными пейзажами, в которых царит сосредоточенное торжественное молчание. И ещё одна особенность картин Александра Федотова – они безлюдны. Художник говорит о своём характере, о таинственной русской душе – посредством одной природы. И это настоящий манифест духа.

Будучи абсолютно самодостаточным творцом одной большой темы, Александр Федотов может быть рассмотрен в контексте не одного только иллюзорного направления фигуративного искусства. Его метод не исчерпывается достоверностью изображения, он шире, чем метод традиционалистов натуралистического толка. Мастер «пейзажа-настроения», Федотов использует в своём арсенале и более насыщенную цветовую палитру, и возможность условного, декоративно-ритмического решения холста, что даёт очень любопытные результаты. При этом декоративное начало не имеет в работах Федотова самоудовлетворяющего значения. Его цель – передать смыслы, чувства, ощущения и то неуловимое, что остаётся между строк.

А фактуры и техника, декоративизм, плоские, широкие мазки мастихина, точно найденные по силуэту пятна – лишь средство для достижения поставленной задачи. Так, заиндевелые ветки деревьев у Федотова образуют острый динамичный арабеск колючего морозного узора, на подсознательном, ассоциативном уровне усиливая ощущение стужи; вертикали штакетника резонируют с сияющей зеленью, сливаясь в чехарду полос, как бывает, когда мчишься на велике по задам деревенской улицы; а ворох сирени превращается в воронку лепестков, в слепящее мерцание светлых и тёмных бликов, как при быстром беге сквозь цветочную осыпь. В том и другом случае зритель оказывается в сердцевине того главного чувства-ощущения, что владело художником при замысле картины. В восприятие зримого мира включается тактильное чувство, обоняние, осязание, память тела...

Помимо геометричных форм, штрихов, «насечек и резов», и наслоения паутины всех этих элементов, художник применяет набрызг, создавая некую «патину» на отуманенной поверхности своих таинственных окошек в мироздание.

Одним из важных стилеобразующих компонентов пейзажа Федотова является полоса, которая несёт не только декоративную, ритмическую, но и смысловую функцию разделительного рубежа между противоположными стихиями – земля, вода, сияющий эфир небес... Острова в океане снега... Хотя, надо отметить, мало у кого земля настолько пронизана духом, настолько причастна к вечности, как это у Федотова! В его трактовке клинья и полосы становятся квинтэссенцией структуры среднерусского пейзажа – рек, прогалин, троп, заснеженных равнин, силуэтов деревьев, жердей оград... – и вызывают целый поток переживаний, связанных с родным ландшафтом, с его сакраментальным мотивом бесконечности дороги, земного странствия; со сменой времён года, сопряжённых с глубинными переживаниями жизни, смерти и воскресения.

И тогда как живописно-тональная си-

стема Федотова продолжает традицию Крымова, острота его композиционной концепции, доведённая до иероглифичной безошибочности, есть преломление как символизма, так и абстрактного начала в фигуративном искусстве – на своём, сверхчувственном уровне демиурга, приводящего иррациональную цветущую сложность мира к ясным формам.

Музыкальная архитектоника художественного пространства, его сложная ритмическая организация – главная особенность композиций Федотова. Его полотно превращено в композиционную формулу, в которой равновесие, центричность соединены с асимметрией и динамикой, типичной для искусства древнего Китая и Японии. Можно сказать, тут имеет место изобразительный язык, доведённый до абсолюта, до знака, до архетипического образа. Оставаясь в границах реалистического искусства, этот язык тяготеет к декоративной стилизации, к иероглифическому выражению, является мостиком между живописью и графикой. К числу наиболее ярких примеров относятся такие полотна, как «Берёзы» (2008, х. м.), «Облака. Осень» (2005, х. м.), «Солнечный день» (1996, х. м.), «Осень. Ранний снег» (1999, х. м.), «Весенний туман» (2005, х. м.) и другие.

Грани

Из разнообразия возникает совершенная гармония.

Гераклит

В творчестве Александра Сергеевича Федотова можно выделить несколько направлений:

1. Обобщённый типический пейзаж-образ Родины. Картины-символы, в которых велика сверхчувственная составляющая без какой бы то ни было ложной «мистики»: «Снег идёт» (2005), «Слобода» (2005), «Ворота» (1989), «Возвращение» (2002), «Тишина» (2000), «Солнышко» (2010).

2. Пейзаж или отдельный объект (дерево, особняк), построенный на ритме пятен, на «модуле», в ряде случаев тяготеющий к ритмической абстракции, с ярким условным языком образов и форм, не утративших узнаваемости фигуративного мира: «Заснеженный лес» (2010), «Лес. Иней» (2015), «Яблоня» (2006), «Сирень» (2001), «Тишина. Вечер» (1995), «Вишня цветёт» (2000). В таких работах художник часто экспериментирует с фактурами, текстурами, сталкивая пастозную технику с лессировками и экспрессивным точечным мазком.

3. Эмоциональный, щемящий пейзаж-ностальгия, квинтэссенция очищенных воспоминаний. Это тёплый, ностальгический мир «родом из детства», узнаваемый и глубинно-близкий каждому: «Облако. Вечер» (1995), «Зима» (2000), «Май» (1995), «Последний луч» (1989), «Осень. Ранний снег» (1995).

4. Образно-интеллектуальные композиции, почти «шахматные партии», вызывающие ассоциации с Джорджо Моранди по культуре цветового строя и по центрально сфокусированной композиции: «Лодки» (1994), «Весенний туман» «Памяти отца» (2005), «Мокрый снег» (2003).

5. Серия пейзажей, по большей части закатных, с поразительным эффектом свечения, продолжающих традицию Куинджи, Крымова, Пластова. Однако эти произведения не ограничены тонально-цветовой задачей, но раскрывают образ изображаемого посредством гиперболизации характерных черт природы. Художник добивается монументальности и зримой весомости, самоценной значимости изображаемого. При этом весь холст его становится светоносным экраном, хотя живопись не теряет плотности и напряжённой звучности. Таковы

работы «Вечер в деревне» (2003), «Тополя у воды» (1997), «Май» (1995), «Туман» (1998).

Во всех перечисленных направлениях понятие «образ» является ключевым для художественного языка Александра Федотова: «Уж если октябрь, – по определению художника Александра Туманова, – то квинтэссенция золотой осени». А если дерево, то Игдрасиль, символ мироздания, не иначе.

Композиционные приёмы Федотова – как в своё время приёмы Джорджо Моранди – могут пополнить учебники по композиции и достойны пристального рассмотрения. И, конечно же, необходимо широкое экспонирование и репродуцирование работ этого мастера. К сожалению, до сих пор не существует ни одного буклета с иллюстрациями его произведений, не говоря уж о персональном альбоме... Так остаётся под спудом творчество одного из самых космических, масштабных по восприятию мира художников современности. В Казани картины художника можно увидеть только на больших коллективных выставках. Следующая персональная выставка намечена на 65-летие художника в 2020 году.

Над своими замыслами живописец работает долго, неоднократно возвращаясь к картине в течение нескольких лет. Эта вдумчивая и вместе с тем интуитивная работа не терпит ни подгонки, ни сроков. Как у «драгоценных вин», у каждой его вещи – своё время созревания. Свой темп, как у музыкального произведения. В произведениях такой наполненности иначе и быть не может. Очевидно одно: творчество этого мастера является бесценным достоянием России. И задача современного искусствования и масс-медиа – донести его до зрителя.

